Раздел 2
КАК СНИМАЛИ БАБРАКА КАРМАЛЯ: ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦА

Трудно противу рожна прати
(пословица)

Когда в конце декабря 1979 года Б. Кармаль был приведен к власти в Кабуле, значительная часть населения подконтрольной центру территории страны искренне связывала с ним (Кармалем) надежды и на решительное преодоление пагубных последствий политики репрессий и левацких экспериментов социализации общества, которые до этого проводил режим Тараки-Амина, и, главное, на достижение национального согласия и мира на афганской земле. И эти надежды не были безосновательными. Новый афганский лидер, еще задолго до декабрьских событий приобретший в стране широкую известность и авторитет борца за народные интересы, обладал, как представлялось многим тогда в Афганистане, необходимыми качествами государственного деятеля такого масштаба: большим опытом политической деятельности, глубоким знанием своей страны и ее потребностей, приверженностью принципам демократии и социальной справедливости, волей и энергией, незаурядными организаторскими способностями, гибкостью в мыслях и поступках и т.п. [1]. Уже первые шаги его правительства, направленные на решение неотложных проблем страны, [2] встретили в афганском обществе одобрение и поддержку.

Однако разгоравшаяся гражданская война и эскалация вмешательства извне во внутриафганские дела буквально на старте свели на нет все добрые намерения и начинания новой власти и прежде всего ее усилия по умиротворению страны. Как вскоре выяснилось, левый кабульский режим (даже при непосредственном советском военном присутствии в стране и широком участии советских войск в операциях против моджахедов) не располагал достаточными силами для того, чтобы военным путем переломить в свою пользу неблагоприятно складывавшуюся ситуацию в борьбе против вооруженной оппозиции. Уже к весне 1983 года внутри страны одновременно действовали 917 отрядов мятежников общей численностью более 43 тыс. человек [3]. При этом более трети из них (313 бандгрупп численностью 15015 боевиков) были сосредоточены в зоне «Центр»[4]. В дальнейшем силы вооруженной оппозиции, находившиеся внутри Афганистана, значительно выросли и к концу 1985 года составили более 100 тыс. человек. Под их полным контролем находились 24525 кишлаков из имевшихся тогда в стране 30217 сельских (обитаемых) населенных пунктов, т.е. более 81 процента деревенской зоны.

Что касается кабульского режима, то он, по состоянию на 1 декабря 1984 года, полностью контролировал лишь 46 уездов и волостей (из 286 имевшихся тогда в стране) и частично – 157, а также 5692 кишлака. Правда, к сентябрю 1985 года центральной власти удалось довести число освобожденных кишлаков до 6500 единиц. Впрочем, следует заметить, что эти цифры постоянно менялись в ту или иную сторону, так как у Кабула не хватало военных сил, чтобы закрепить за собой отвоеванное на местах. Все последующие годы под властью Кабула почти неизменно находилось приблизительно 20 процентов территории страны.

Чем же располагало правительство Б. Кармаля для ведения вооруженной борьбы? К середине 80-х годов в его распоряжении находились армия численностью до 150 тыс. человек, оперативные батальоны и полки внутренних войск (царандоя) – около 100 тыс., боевые части и подразделения службы безопасности (ХАД) – более 40 тыс. и различные иррегулярные формирования, как-то: отряды защитников революции и местной самообороны и милиция (ополчение) племен. В общей сложности Кабул к концу 1985 года имел под ружьем до 400 тыс. человек. К этому времени в афганской армии в результате принятых организационных и политико-воспитательных мер появились вполне боеспособные соединения, которые могли успешно проводить самостоятельные боевые операции против вооруженной оппозиции. Среди них были 8, 18 и 20-я пехотные дивизии, 37-

я бригада «коммандос», 3 и 4-я пограничные бригады, авиация, бронетанковые части и др.

Вместе с тем афганская армия, несмотря на заметный количественный и качественный рост, все еще оставалась организационно слабой, а некоторые ее части и соединения были вообще небоеспособными. Ее главными пороками являлись недостаточная укомплектованность личным составом (в целом в пределах 30 – 40 процентов от штатной численности), огромные размеры дезертирства (примерно 20 – 25 тыс. человек ежегодно), низкие моральный дух и дисциплина, плохая боевая выучка и т.д. Кроме того, до 60 тыс. человек из состава афганской армии были заняты на охранной службе и не могли принимать участие в боевых действиях. В итоге воевать могли не более 30 тыс. человек. Если иметь в виду, что и дислоцированная в Афганистане советская 40-я армия, численность которой в различные годы колебалась от 85 до 118 тыс. человек, также была вынуждена отвлекать до 50 процентов своего личного состава на охрану объектов и линий коммуникаций, [5] то становится понятным, что афганские и советские войска, вместе взятые, из-за своей малочисленности и других факторов были просто не в состоянии сковать действия моджахедов, лишить их главных преимуществ – инициативы, внезапности и маневренности и одержать над ними военную победу. К тому же, следует добавить, афганское правительство почти полностью исчерпало людские ресурсы, имевшиеся на подвластной ему территории, которые можно было бы рекрутировать в вооруженные силы. В такой ситуации Москва и Кабул к середине 80-х годов пришли окончательно к осознанию бесперспективности военного решения афганской проблемы.

Тяжелое военно-политическое положение в стране явилось далеко не единственной «головной болью» правительства Б. Кармаля. Партийное и государственное руководство ДРА раздирали межфракционная борьба, интриги и распри, чиновничий аппарат снизу доверху был поражен коррупцией, взяточничеством, казнокрадством и злоупотреблениями своим служебным положением и не пользовался авторитетом среди населения, государственный аппарат на всех уровнях работал неэффективно, социальная база режима оставалась крайне узкой, и без того отсталая экономика Афганистана находилась в состоянии упадка и разрухи, жизнь и безопасность жителей городов и сел были не обеспечены, продолжавшийся исход миллионов афганцев за рубеж создал для Кабула весьма болезненную проблему беженцев, сложным продолжало быть и международное положение страны.

Всю ответственность за тяжелое положение в стране, за все ошибки, просчеты и поражения противники Б. Кармаля из крыла Хальк пытались, в основном закулисно, возложить на него лично и фракцию Парчам. Они обвиняли Б. Кармаля и его сторонников в преследовании профессионально подготовленных кадров, принадлежащих к Хальк, и умышленном провоцировании межкрыльевых противоречий, безразличии к судьбам революции и народа в угоду своим корыстным интересам, отходе от принципов коллективности руководства, некомпетентности и беспомощности в решении возложенных на них хозяйственных и других задач, неспособности руководить вооруженными силами и обеспечить военную победу над противником, нежелании проводить обещанные реформы и преобразования и прежде всего земельную реформу, обогащении, моральном разложении и связях со свергнутыми эксплуататорскими слоями и классами, отказе от союза с леводемократическими и национально-патриотическими силами страны, бессилии в реализации установок на расширение социальной базы революции и народной власти и стремлении вместо этого решать все проблемы войны и мира в Афганистане с помощью советских войск, раздувании межнациональных противоречий и шовинизма, скрытом антисоветизме и т.п. [6].

Б. Кармаль не устраивал и некоторых высших советских должностных лиц в Кабуле, в частности совпосла Ф.А. Табеева, руководителя оперативной группы Генерального штаба Советской Армии генерала армии В.И. Варенникова, резидентов КГБ и др. Их раздражали присущие Б. Кармалю стремление иметь собственное мнение по злободневным проблемам страны и о путях их решения, несговорчивость и прецеденты игнориро-

вания им «советов» (читай – приказов. – М.С.), ниспосланных Кремлем и исходивших из уст указанных лиц. Особенно неприязненно, если не сказать враждебно, относился к нему генерал В.И. Варенников. Он во многом разделял и поддерживал приведенные выше обвинения крыла Хальк в адрес Б. Кармаля. Следует заметить, что антикармалевские настроения были особенно характерны для командного состава афганской армии, прежде всего его высшего звена, который по преимуществу был представлен офицерами-халькистами. Есть основания полагать, что именно на основе информации, получаемой от данных офицеров, формировались у генерала образ Б. Кармаля и антипатия к нему.

В конце концов стараниями ряда афганских партийных и государственных деятелей и аккредитованных в Кабуле высокопоставленных советских лиц было создано в Москве, в высшем эшелоне партийно-государственного руководства, негативное представление о Кармале как пьянице [7] и иждивенце, пытающемся-де взвалить решение всех проблем афганского кризиса на советскую сторону и отсидеться под прикрытием советских войск, как человеке, нерешительном по характеру и неспособном реализовывать на деле политику национального примирения. Кроме того, и это следует особо выделить, Б. Кармаль для определенной части афганского руководства и для советских, главным образом, силовых ведомств, втянутых в афганскую трагедию, представлялся весьма удобным «козлом отпущения», на которого можно было списать все свои просчеты, ошибки, провалы и поражения [8].

Несомненно, Б. Кармаль не избежал серьезных ошибок, недостатков и неудач в процессе руководства страной и партией и повинен во многом. Взять хотя бы извечную проблему единства НДПА, государственную кадровую политику, неэффективность и пороки в работе бюрократического аппарата, острые межнациональные отношения и т.д. Надо признать, что с приходом к власти ему не хватило настойчивости и мужества (а может быть, ему не дали такой возможности его московские хозяева) пойти на решительные поиски политических компромиссов с вооруженной оппозицией ради установления мира на афганской земле, что он обещал предпринять в своем первом радиообращении к афганскому народу вечером 27 декабря 1979 года [9]. Однако, при всем этом, было бы несправедливым возлагать на него всю вину и ответственность за продолжение гражданской войны. Как уже отмечалось выше, в рассматриваемое время, в сложившейся тогда внутри Афганистана и вокруг него ситуации он, как, впрочем, и военные стратеги из Москвы, оказались просто-напросто бессильными добиться с помощью военной силы своей главной стратегической цели – умиротворения страны. К этому следует также добавить, что лично от него и его команды объективно, в силу многих причин и обстоятельств не зависело решение и ряда других (невоенных), крайне насущных для страны и общества проблем.

Судьба Б. Кармаля была окончательно решена в московских кабинетах в начале 1986 года, тайно за его спиной, за спиной руководства НДПА и ДРА, вопреки здравому смыслу, без учета негативных последствий для левого кабульского режима, которые должны были неизбежно последовать за такого рода решением.

Смещение Б. Кармаля с поста генерального секретаря ЦК НДПА мотивировалось в московских коридорах власти в основном следующими доводами: он (Б. Кармаль) не справляется с возложенными на него ответственными функциями главы государства и партии; он повинен в параличе власти и создании в стране глубокого кризиса: военного, социально-экономического, политического, морально-психологического и партийного; ему больше не доверяют даже лица из ближайшего окружения (имелся в виду прежде всего Наджибулла. – М.С.); его психологическое состояние и здоровье серьезно подорваны пьянством, близким к алкоголизму; он стал помехой на пути реализации курса политического урегулирования обстановки внутри и вокруг Афганистана [10].

Трудно сказать, чего больше было в этих обвинениях: полного незнания причин и истоков афганского кризиса или же преднамеренного очернительства и стремления во что бы то ни стало убрать неугодного Б. Кармаля и таким образом снять с себя вину за провал афганской авантюры. Представляется, что, если бы на предварительной стадии

обсуждения вопроса о смене афганского лидера участвовали специалисты–профессионалы по Афганистану, то их мнения и оценки во многом были бы иными. Однако, к сожалению, такого рода механизм принятия решений был в принципе чужд советскому руководству (автор не касается здесь морального и международно-правового аспекта принятия подобных решений, если подходить к Афганистану как к суверенному государству).

Дворец «Гольхана», 29 марта 1986 г. Встреча автора с Б. Кармалем в связи с окончанием служебной командировки и отъездом на родину.
Слева направо: второй – М.Ф. Слинкин, третий – Б. Кармаль, пятый – М.А. Фарзам, остальные – офицеры КГБ СССР.

Б. Кармаль не мог, конечно не почувствовать изменившегося к себе отношения, когда он в конце февраля 1986 года прибыл в Москву во главе афганской партийной делегации [11] в качестве гостя XXVII съезда КПСС. По свидетельству очевидцев, М.С. Горбачев при встречах и беседах с Б. Кармалем демонстрировал неприкрытую холодность и невнимание к нему и в то же время подчеркнутую любезность и благоволение к другому члену делегации – Наджибулле, вольно или невольно давая этим понять, на кого ставит Кремль.

Возвратившись в Кабул, Б. Кармаль выступил с большим докладом на 17-м пленуме ЦК НДПА, состоявшемся 27 марта. В докладе им были еще раз изложены принятые ранее основные положения концепции политического урегулирования афганского кризиса, которая чуть позже (но уже без него) была дополнена рядом положений и получила название «политики национального примирения». С трибуны пленума он, имея в виду вооруженную оппозицию, заявил: «Мы готовы пойти на компромиссы ради прекращения кровопролития, памятуя, что кровь смывается не кровью, а водой» [12]. Это его выступление в качестве генерального секретаря ЦК партии стало для него последним.

О том, что Москва посчитала далее невозможным иметь дело с Б. Кармалем, в Кабуле было известно лишь узкому кругу официальных советских лиц. Автор этих строк, работавший в то время политическим советником по международным связям в аппарате ЦК НДПА, узнал о намеченной смене власти в Афганистане 28 марта случайно, при разговоре в здании совпосольства со своим старым знакомым, военным и военно-воздушным атташе, полковником В.Т. Сень. При этом известии у меня невольно вырвалось: «Какой же глупец мог такое придумать?» Василий Тимофеевич молча показал

пальцем на второй этаж, где находилась резиденция представителя КГБ в Кабуле. В этот же день у меня состоялась встреча с ответственным сотрудником Международного отдела ЦК КПСС Г.А. Поляковым, прибывшим накануне в афганскую столицу. Из беседы с ним я понял, что и он, хорошо знающий специфику Афганистана и прекрасно разбирающийся в афганских делах, совершенно не поддерживает затеянную смену партийного руководства этой страны. В связи с тем, что заканчивалась моя многолетняя служебная командировка в ДРА и мне предстояло 31 марта возвратиться на родину, я через Г.А. Полякова обратился к заместителю заведующего Международным отделом ЦК КПСС, профессору Р.А. Ульяновскому с просьбой принять меня для изложения своей позиции.

29 марта у меня состоялась прощальная встреча с Б. Кармалем в его официальной резиденции «Гольхана». Первоначально беседа велась в присутствии его советской охраны – трех офицеров КГБ и его помощника М.А. Фарзама. Б. Кармаль как всегда выглядел бодрым и энергичным, правда, на сей раз несколько чем-то озабоченным. Когда мы, по его предложению, перешли в его кабинет и остались вдвоем, он сообщил, что завтра за ним из Москвы прилетает специальный самолет. Не скрывая своей тревоги по поводу причин неожиданного для него приглашения (читай – вызова. – М.С.) в советскую столицу, он в ходе получасовой беседы, по крайней мере, трижды интересовался у меня, чем это вызвано. Мне пришлось по этическим соображениям, кривя душой, пожать плечами и сослаться на неосведомленность.

По прибытии в Москву меня принял Р.А. Ульяновский. На беседе присутствовал также заведующий сектором Международного отдела ЦК Н.Н Симоненко. Обосновывая свою позицию относительно неразумности отставки Б. Кармаля с поста генерального секретаря ЦК НДПА и замены его Наджибуллой, я подчеркнул, что эти кадровые меры могут иметь для власти в Кабуле тяжелые, непредсказуемые последствия. Мои контраргументы сводились к следующему:

1) Устранение Б. Кармаля с политической арены Афганистана не оправдано. Его политический и организаторский потенциал еще далеко не исчерпан. Ему, как лидеру, по авторитету в общенациональном масштабе не было в то время равных (примеч.: на данной беседе вопрос о пьянстве Б. Кармаля вообще не возникал из-за отсутствия для этого веских оснований).

2) Уход Б. Кармаля с высшего партийного поста неизбежно приведет к новым расколам в руководстве НДПА и дальнейшему ее дроблению на мелкие, соперничающие между собой группировки, что еще более ослабит ее и олицетворяемый ею режим.

3) Наджибулла, в противовес Кармалю, не может быть признан в Афганистане в качестве общенационального лидера по многим причинам: молодости (на мусульманском Востоке зрелым считается возраст после 40 лет, а ему тогда было только 38), племенной принадлежности к гильзаям (если учитывать извечную неприязнь и вражду между гильзаями и дуррани, пактийцами и кандагарцами), фактического отсутствия у него необходимого опыта партийной и хозяйственной деятельности. Кроме того, репутация Наджибуллы была значительно подорвана в результате его причастности к расправам над политической и военной оппозицией в годы, когда он возглавлял службу безопасности ХАД.

4) Было подчеркнуто, что проблема укрепления левого режима в Афганистане лежала в то время не в плоскости Б. Кармаль - Наджибулла. Дело в том, что в период правления Б. Кармаля в стране сложилась парадоксальная ситуация, при которой пуштуны, авторы афганской государственности и традиционно, на протяжении более чем двух столетий державшие в своих руках политическую власть, оказались вытесненными из высшего государственного руководства: посты главы государства, правительства и партии заняли представители национальных меньшинств (примеч.: следует иметь в виду, что Кармаль, полупуштун и полутаджик по происхождению, воспринимался в обществе скорее как таджик). Такое положение гордые и самолюбивые пуштуны вряд ли будут долго терпеть. В связи с этим назрела необходимость разделить посты генерального секретаря партии и главы государства и привести на последний пост (с более широкими

полномочиями) признанного в пуштунской этнообщности авторитета. Р.А. Ульяновский, вопреки присущей ему манере активно вести беседу, на сей раз выслушал меня, не проронив ни единого слова и не задав ни единого вопроса. Для меня стало абсолютно ясным, что «поезд уже ушел»: смещение Б. Кармаля состоялось.

Б. Кармалю, когда он прибыл в Москву, в учтиво-повелительной форме предложили «во имя высших интересов страны» добровольно уйти в отставку и передать властные полномочия Наджибулле. Вслед за этим весь апрель месяц советская сторона вела усиленную обработку членов политбюро и ЦК НДПА, убеждая их в «насущной необходимости» смены высшего партийного руководства. И эти старания дали желаемые плоды. 4 мая состоялся 18-й пленум ЦК НДПА, который придал принятому в Москве решению видимость некоего самостоятельного, сугубо внутриафганского волеизъявления. Б. Кармаль был освобожден «по состоянию здоровья» (?!) от обязанностей генерального секретаря ЦК партии при сохранении за ним членства в политбюро ЦК и поста председателя Революционного совета ДРА. Генеральным секретарем ЦК был «избран» Наджибулла, креатура коварного КГБ [13]. Решения пленума взбудоражили кабульскую общественность – приверженцев Б. Кармаля. В городе состоялись многочисленные демонстрации и митинги протеста. На стенах домов и заборах появились надписи «Долой советскую собаку!» (под «советской собакой» подразумевался Наджибулла). Чтобы не допустить дальнейшего драматического развития событий, власти вынуждены были ввести в город танки и бронетранспортеры и привести в боевую готовность силовые структуры.

Однако положение, при котором бывший учитель и лидер партии продолжал оставаться за одним столом с новым партийным вождем, никак не могло устроить стремившегося к самостоятельности Наджибуллу. Настроения и сетования последнего по этому поводу разделяло и советское руководство. В итоге Б. Кармаля вынудили подать «прошение» об освобождении от всех партийных и государственных постов. Состоявшийся 20 ноября 1986 года 20-й пленум ЦК НДПА принял его отставку в связи, как подчеркивалось в речи Наджибуллы, с его (Б. Кармаля) «неудовлетворительным состоянием здоровья», подорванным–де «тяжелым бременем ответственности» (следует заметить, что в письме Б. Кармаля, адресованном ЦК НДПА и Революционному совету ДРА, ни слова не было сказано о состоянии здоровья и неспособности нести бремя ответственности. – М.С.). Б. Кармаль был выведен из состава политбюро ЦК и освобожден от обязанностей председателя президиума Революционного совета и председателя Ревсовета ДРА, однако оставлен членом ЦК партии и членом Ревсовета ДРА. В начале мая 1987 года он вместе с семьей был отправлен в Москву в почетную ссылку или, как официально говорилось в афганской прессе, «по совету врачей и по приглашению на лечение и отдых» [14].

Неизбежным следствием непродуманных кадровых перестановок в НДПА явилось ее дальнейшее ослабление как правящей партии. В ней, кроме прежних, соперничавших между собой фракций Хальк и Парчам, появилось множество других, мелких группировок во главе с теми или иными партийными деятелями. В частности, в Хальк обособилась группа М.А. Ватанджара, который всецело перешел на сторону Наджибуллы (в данном случае, видимо, свою роль сыграл земляческий фактор: оба они были родом из Пактии), а Парчам распалась на сторонников Б. Кармаля, С. Лайека, С.А. Кештманда, Н.А. Кавьяни – С.А. Маздака, Наджибуллы и др. В борьбе против своих бывших друзей по крылу Парчам Наджибулла прибег к беспрецедентным карательным мерам: сначала он снял многих из них с занимаемых партийных и государственных постов, а осенью 1988 года арестовал и бросил в тюремные застенки. Среди них оказались бывшие член политбюро, секретарь ЦК НДПА З. Размджу, кандидат в члены политбюро, секретарь ЦК партии М. Барьялай, члены ЦК Э. Хасан, министр ирригации А.В. Сурхаби, начальник Главного политического управления афганской армии, секретарь ЦК М.Я. Садеки, министр высшего образования Б.Гияси, заведующий отделом агитации, пропаганды и обучения ЦК А. Спантгар, кандидат в члены ЦК, заместитель председателя Комиссии партийного контроля при ЦК НДПА А. Маджидзаде и др. Правда, через несколько месяцев они были выпущены на свободу. Наджибулла, как позже поведал автору один из

репрессированных им лиц, впоследствии признал ошибочным факт их ареста и тюремного заключения и, извинившись, заявил, что это было предпринято не по его (Наджибуллы) инициативе, а по требованию представителя КГБ в Кабуле. Многие из приверженцев Б. Кармаля были возвращены на государственную службу и снова введены в высшие партийные органы. Так, М. Барьялай (брат Б. Кармаля) был назначен первым заместителем премьер-министра страны. Однако былое единство Парчам навсегда осталось в прошлом. Наджибулла, став лидером партии, безвозвратно утратил опору в своем родном крыле.

Не оправдались также надежды Наджибуллы привлечь на свою сторону крыло Хальк и заручиться его поддержкой. На первых порах, надо заметить, иллюзия такой поддержки действительно имела место. Но со временем он начал подвергаться халькистами резкой критике по многим аспектам внутренней и внешней политики, в том числе и по проблемам политики национального примирения. В концентрированном виде эта критика была изложена в упоминавшемся закрытом письме халькистов – членов НДПА, направленном в апреле 1988 года в адрес политбюро ЦК КПСС. Не добившись своих целей таким путем, крыло Хальк в марте 1990 года прибегло к вооруженному антинаджибовскому мятежу, однако потерпело поражение. Ряд видных деятелей Хальк был арестован, часть из них бежала за границу и присоединилась к вооруженной оппозиции.

Подводя итог сказанному, следует еще раз подчеркнуть, что снятие Б. Кармаля с высших партийных и государственных постов явилось не результатом самостоятельного, внутрипартийного решения НДПА, а актом грубейшего произвола горбачевского руководства. Расправа над этим видным афганским лидером была не только ни чем не оправданной мерой с любой точки зрения – морально-этической, международно-правовой и политической, но и изначально чреватой тяжелыми последствиями для самого существования левого кабульского режима. С приходом к власти Наджибуллы в руководстве НДПА возникли многие, соперничающие между собой центры, партия раскололась на мелкие группировки и, несмотря на продолжавшуюся внешнюю видимость политической и деловой активности ее руководства, все больше утрачивала контроль над ситуацией в стране и, в конце концов, оказалась неспособной (хотя и располагала немалыми военными силами) защитить себя и спасти режим левых в Афганистане.

Примечания

1. См об этом подробнее: Слинкин М.Ф. Народно-демократическая партия Афганистана у власти. Время Тараки-Амина (1978–1979 гг.). – Симферополь: Издательство СГУ, 1999. – С. 229 – 237.
2. См. об этом: Слинкин М.Ф. Афганистан, год 1980: становление режима Б. Кармаля // Востоковедный сборник. Выпуск второй. – Симферополь: Редакционно-издательский отдел Таврического экологического института, 1998. – С. 17 – 60.
3. Цифровые данные, приводимые в настоящем разделе, взяты автором из информационно-аналитических справок и отчетов, которые готовились в рассматриваемое время в Кабуле в аппаратах представительств различных советских ведомств – МИД, МО, МВД и др.
4. В других зонах численность формирований вооруженной оппозиции и боевиков в них составляла соответственно: «Юго-Восток» – 115 и 6430; «Юг» – 130 и 5895; «Север» – 91 и 4555; «Северо-Восток» – 104 и 4140; «Восток» – 81 и 3006; «Северо-Запад» – 89 и 2310; «Юго-Запад» – 34 и 1965.

   Зоны ответственности были созданы по решению третьего пленума ЦК НДПА, состоявшегося 23 июля 1980 года, с целью мобилизации всех людских ресурсов на борьбу против вооруженной оппозиции и оперативного управления этой борьбой. В состав зон входили следующие провинции: зона «Центр» – провинции Кабул, Бамиан, Парван, Каписа, Вардак, Логар, зональный центр г. Кабул; зона «Восток» – Кунар, Лагман, Нангархар, центр г. Джалалабад; зона «Юго-Восток» – Газни, Пактика, Пактия, центр г. Газни; зона «Юг» – Заболь, Гильменд, Кандагар, Урузган, центр г. Кандагар; зона «Юго-Запад» – Нимруз, Фарах, центр г. Фарах; зона «Север» – Балх, Джаузджан, Саманган, Фарьяб, центр г. Мазари-Шариф; зона «Северо-Восток» – Баглан, Бадахшан, Кундуз, Тахар, центр г. Кундуз.
5. Эти данные привел маршал С.Л. Соколов на совещании, которое состоялось в советском посольстве в Кабуле 4 февраля 1984 г.
6. См. об этом: Закрытое письмо халькистов – членов НДПА в адрес политбюро ЦК КПСС. Апрель 1988 г. / Перев. с дари (машинописный текст).
7. Ярлык «пьяницы», приклеенный Б. Кармалю мидовскими и цековскими функционерами, широко

использовался в устной пропаганде среди советской общественности при объяснении и оправдании причин смены руководства в Афганистане.

8. Слинкин М.Ф. Народно-демократическая партия Афганистана у власти. – С. 234.
9. Кармаль Б. На пути укрепления суверенитета народа: Сборник выступлений и статей (1958 – 1359). – Кабул, 1362 (1983). – С.2. – На языке дари (дар рах-е хакемият-е халк).
10. Об этом же пишут швейцарские политологи Пьер Аллан и Дитер Клей. – См. в кн.: Афганский капкан. Правда о советском вторжении. – М. – Междунар. отношения, 1999. – С. 285 – 291.
11. В состав афганской партийной делегации входили, кроме Б.Кармаля, члены политбюро ЦК НДПА С.А. Кештманд, С.М. Зерай и М. Наджибулла.
12. 17th Plenum of the PDPA CC. Documents. – Kabul: Government Printing Press, March 1986. – P. 17.
13. Слинкин М.Ф. Народно-демократическая партия Афганистана у власти. – С. 234 – 235.
14. Там же; Kabul New Times. – 1986, November 22; 1987. – May 9.